

Памяти Ольги Кулагиной

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...*

М. Лермонтов

Родиться в Китае и умереть в Париже – такова странность судьбы Ольги Кулагиной, простой русской актрисы. И не просто «увидеть Париж и умереть», а отдать ему больше двадцати лет жизни, активной творческой жизни: с 1989 по 2011 год.

Говорить о ней, труженице эстрады, это значит говорить о русской диаспоре в Париже, сложившейся после разрушительного октября 1917 года, «чёрного года», изначально нацеленного на карликовые автономии, и племенной распад многонациональной России. Русские патриоты сразу раскусили заезжих «интернационалистов» и провозгласили девиз: Россия единая и неделимая!

Но слишком велик был соблазн для амбиций: кто был никем, тот станет всем! Земля – крестьянам! «Замануха» сработала. «Единую и неделимую» разделили. Сначала на белых и красных, потом на автономии и зоны Гулага: мордовские, колымские, соловецкие...

Национальная элита, создававшаяся веками, оказалась в изгнании, за рубежом. Её заменили Швондеры и Шариковы – кто был никем... Но белое движение и в эмиграции сохранило свою русскую сущность, сохранило святую веру в историю и культуру отечества, веру в Россию: единую и неделимую от Заполярья до Кушки, от Вислы до Аляски.

«Чёрный год» затянулся. Под занавес двадцатого столетия Россию ещё раз обкарнали, оставив один обрубок и лишив многонационального статуса, утверждённого ООН: многонациональным является такое государство, где численность иноязычных национальностей равна титульной нации. У нас титульная нация составляет восемьдесят процентов. Какая уж тут многонациональность.

На этот раз поработали не заезжие гастролёры, вроде Троцких и Урицких, а свои, доморощенные Шариковы. Но по тем же западным лекалам, хотя там автономий нет. Рискуя потерять и этот обрубок, очередная «правлящая партия» спохватилась: вспомнила забытый девиз: «Единая Россия». Но без главного составляющего: неделимая. Всё было уже поделено.

А для русской эмиграции, раскиданной по всему свету, Россия остаётся неделимой. Даже здесь, в Париже. И когда княгиня Антонина Мещерская, сноха и преемница добрых дел Веры Мещерской – умершей в 1949 году – несмотря на свои девяносто лет, встаёт и слушает стоя певицу из Сибири, это вызывает невольное уважение: она слушает не Ольгу Кулагину а голос самой России, единой и неделимой. И слушает его стоя.

Каким же гражданским достоинством, какой неистребимой любовью надо обладать, чтобы забыть все прошлые обиды, всю горечь изгнания и сохранить почтение к своей земле, к своему растерзанному дому, к его культуре, дошедшей до берегов Сены. На такое способно только сердце матери. А они, княгини Мещерские, и есть тот самый символ матери-России от Вислы до Аляски. Даже там, в изгнании.

Кстати, сама Вера Мещерская, по матерински приютила в своём особняке в Сент Женеьев де Буа русских изгнанников, одиноких и обездоленных. А в смертный час упокоила в конце домашнего сквера. И русский дом, и русский некрополь – её

рук дело. Там покоятся Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Константин Коровин, Матильда Кшесинская, жена адмирала Колчака Софья и их сын Ростислав, Надежда Тэффи, генерал Кутепов и многие, многие другие. В том числе и Александр Галич, Рудольф Нуриев, Андрей Тарковский, Виктор Некрасов – скитальцы второй волны. Что ни фамилия, то легенда, Таков мартиролог русского некрополя, который стал местом паломничества. Это всего в тридцати километрах от Парижа.

А девятое мая? В этот день вся русская диаспора собирается в своём русском доме, слушает русские песни и, «рыдает, что называется, ансамблем»? А ведь многие из них родились во Франции и ни разу не были в России. Но для них день русской победы – святой день. Я сохранил выражение Ольги Кулагиной – «и рыдаем, что называется, ансамблем» – потому что оно вырвалось из души, по сути, такой же эмигрантки с двадцатилетним стажем и, наверное, точно передаёт атмосферу их праздника. Девятое мая и там, в изгнании – главный праздник единой и неделимой России.

На этом фоне так характерна, обыденна судьба Ольги Анатольевны. Характерна для нашего бурного века, века смут и криминальных революций, разделов и переделов чужой собственности, которые каждый раз отбрасывают нас на столетие назад, заставляя потом бежать и бежать, догоняя историю. Бег Ольги Кулагиной – тому яркое свидетельство. Она родилась в городе с символическим названием – Дальний, под боком у Харбинской эмиграции. Умерла в Париже – «дистанция огромного размера».

Но и тут, в Париже, под занавес, судьба подкидывала ей новую беговую дорожку на тысячи вёрст: гастроль в Нью-Йорке. Контракт – на год. Конечно, и там большая русская диаспора, и там любят старинные романсы, русские народные

песни, Да и американская публика к ним равнодушна – тем более что Ольга Анатольевна владела английским языком так же свободно, как французским. И петь могла на трёх языках. Барьера в общении не было.

Но... сил уже не было.

– Месяца на два, на три я бы ещё поехала, – сказала она, – а на год...

Какие месяцы! Смерть стояла уже за спиной и дышала в затылок. Но разве мы об этом знаем? Тем более, что возраст не бог весть какой: шестьдесят лет. Она только что вернулась из Новосибирска, от матери. Душа была переполнена планами и замыслами. Хотелось создать сибирскую программу для своих парижских друзей. Может быть, спеть свою лебединую песню?

Здесь, в Новосибирске, на сцене филармонии, она выступила в концерте, посвящённом очередному дню рождения Пушкина. Рассказала об ассоциации друзей Пушкина в Париже, которые с помощью МИДа России на родине Дантеса установили памятник великому поэту. В Новосибирске, к сожалению, такого памятника нет, хотя есть региональное общество имени Пушкина и есть его давние потуги создать такой памятник.

Напомнила о таком качестве Пушкина, как необычайно развитое чувство дружбы. В беде и в радости он был верен друзьям, где бы они не находились: в ссылке, в изгнании или на пиру в кругу своих близких.

Помогая ей спуститься по крутым ступеням в зал, я невольно сказал:

– Вы больше русская, чем мы здесь, в России.

Кстати, чувство дружбы сильно развито и у самой Ольги. Приезжая в Россию, она в первую очередь спешит к друзьям, прихватывая с собой и мамочку, как она её называет. Вот и в

этот, одиннадцатый, приезд она несколько раз выступила в региональном обществе имени Пушкина, в общественном клубе «Зажги свечу», побывала на депутатском канале областного радио, в филармонии, съездила на гору Пикет, на свидание с Алтаем и Шукшиным в день его очередной годовщины.

Давно ушёл из жизни её давний друг: композитор Николай Кудрин, в концертах которого она много раз участвовала, работая ещё здесь, в России: в Новосибирской, в Сочинской филармониях. Но остались другие: например дирижёр и художественный руководитель камерного хора Игорь Юдин со своим творческим коллективом. А сколько появилось новых друзей!

Но это в России, где она выросла. А в Париже?

– Я дружу в Париже с разными людьми: и светского образа жизни и с духовными лицами. Дружу с эмиграцией, которую называют белой, и с диссидентской: скажем, с Натальей Горбаневской, известной правозащитницей, сотрудницей газеты «Русская мысль». Пишу музыку на её стихи. Но больше всего я дружу с Парижем. Кажется, я знаю там каждую улочку. А какие там замечательные парки! С плавающими лебедями!

В Новосибирске она «дружила»... с зоопарком, где тоже хватает лебедей. Любила бродить по его аллеям, любоваться естественным, почти девственным, ландшафтом, где вольно прогуливались косули, олени, сайгаки, где, плюхнувшись во весь бок, нежились на солнышке волки и леопарды. Подолгу стояла у медвежьих вольеров. Древний мир природы ей был так же близок, как храмы искусства, созданные руками человека, и где она была не чужой.

Театральный артист на сцене не одинок. Он священно действует вместе с группой. На знакомой сцене. Перед знакомым залом и знакомой публикой. Эстрадный артист почти всегда одинок. И почти всегда новые сцены, новые залы, новая пу-

блика. И... автобусы, поезда, самолёты. А Ольга Анатольевна обошла и объехала почти всю Европу: Франция, Англия, Германия, Бельгия. И везде один на один с залом, и везде её тепло принимали и приглашали вновь и вновь. Нравился её цыганский шарм, её меццо-сопрано, почти всегда звучащее на пределе. Она была не баловнем Мельпомены, а её труженицей. И всегда за её спиной стояла русская диаспора Парижа. Вот и новый контракт на гастроли в Америке, конечно, не обошёлся без её участия.

Но она уже жила своей лебединой песней, зачином которой стал романс «И отлетит усталая душа...», созданный ещё в Новосибирске и исполненный пока только для «мамочки», для Розы Григорьевны. И для меня, автора стихотворения. Случайный выбор стихов? Не думаю. Душа, наверное, устала от земного марафона и тянулась в небесные дали.

В Поднебесную семья попала в 1949 году. Анатолий Кулагин был артиллерийским офицером, и они жили в военном городке, в городе Дальний. Жена работала на заводе акустической соды, где платили приличные юани. Больше, чем в кабинетах военного городка. Директором был русский, а рабочие – в основном китайцы. Они хорошо относились к русским освободителям. Даже детвора на улицах кричала: «Русский – карашо! Русский – Москва!» Зато белая эмиграция сразу почувствовала холодок местного населения и, опасаясь репрессий, массово стала уезжать в Австралию – русский бег продолжался.

Через год у офицера Кулагина, человека уже не молодого, родилась дочка. И с первых минут у её изголовья встала трагическая русская история с Порт-Артуром и Дальним, с белой русской эмиграцией. А ещё через год офицера Кулагина перевели в Благовещенск, где он позднее и упокоился, оставив десятилетнюю дочку сиротой. Ему было шестьдесят лет.

У девочки, что называется, с пелёнок обнаружился музыкальный слух. Она засыпала всегда под колыбельную. И если Роза Григорьевна замолкала над засыпающей крохой, тотчас раздавалось – пой. А в семь лет, уже в Благовещенске, она взялась за скрипку. И даже переезд в Новосибирск, после скоропостижной смерти отца, не прервал этого увлечения. Оля поступила в музыкальное училище и семь лет совмещала занятия на пианино с уроками в школе.

Инструмента дома не было. Приходилось ходить в училище в вечернее время, когда оно затихало и пустело. Просить сторожей пустить её поиграть. Пускали.

Для мамы это была не заживающая боль в сердце. И она откладывала каждую копейку, чтобы купить инструмент.

И купила. Правда, под солидный кредит. О замужестве и речи не было, хотя бальзаковский возраст только-только миновал. Всё для дочери.

Труды окупились. Оля успешно окончила и школу, где её называли ходячей энциклопедией, и музыкальное училище. Думаю, это помогло ей при поступлении в ГИТИС, на музыкальное отделение. На прослушивании голоса она спросила – а можно аккомпанировать самой? Ей разрешили, и она уверенно прошла вокальный этап.

Кстати, перед театральным институтом Ольга год изучала английский язык в пединституте. По настоянию матери. А может, судьбы, которая знала о дальних дорогах и смешении языков? Во всяком случае, год не был потерян. Начитанность «всезнающей Оли» знали ещё в школе. А способность читать в подлинниках не только русскую, но и французскую и английскую литературу, раздвинула масштаб и глубину мышления, распахнула в деталях, в подробностях историю и быт европейских народов. А это открыло их сердца. Разве не удивительно, что ей, сохранившей гражданство России, мэрия Парижа выделила муниципальное жильё?

Она дружила и с мэрией Парижа, и с русским Посольством в Париже, и с русским торгпредством, куда нередко приглашали. Да и настоящее концертное платье для первого выступления за рубежом ей дали русские парижанки. Зарубежная «карьера» начиналась с отзывчивости и помощи новых друзей. Кстати, ей сразу же предложили бессрочный контракт. И она стала, по сути, полпредом русской культуры во Франции. И далее – по всей Европе. Такое случается не часто. Эдуард Хиль долгое время пел в кафе «Распутин». Здесь же, в Париже. За скромную зарплату. Пока хозяйка ресторана не узнала, что он очень популярен в России, и не увеличила гонорар. Причём довольно крупно. Но он уже собрался в Россию.

Когда-то в Сочи перед отъездом во Францию Николай Кудрин сказал ей – ты не вернёшься в Россию. Как в воду глядел, хотя она ехала на два месяца. Это были их последние совместные концерты, последние встречи. Она удивилась и не поверила. И там, в Париже, не расставалась с его песнями и с ним самим, постоянными звонками напоминая о себе и о судьбе его песен.

Творчество не знает границ и шлагбаумов. Так же как и смерть. В Новосибирске Ольга села в поезд и благополучно доехала до Москвы. Там пересела на самолёт, благо – имела обратный билет, и... просидела в нём пять часов в ожидании вылета. Командир экипажа оказался человеком дотошным, ответственным. Осмотрев самолёт, он обнаружил неполадки и потребовал от технического персонала устранить их. На уговоры и уверения, что всё в порядке сказал, как отрезал – у меня за спиной 180 человек. Он довёз их всех живыми и здоровыми. А через неделю разбилась хоккейная команда «Локомотив» на вылете из Ярославля. Может, смерть уже и здесь стояла у неё за спиной?

15-го августа Ольга Кулагина была в Париже, о чём сообщила матери, а 21-го скоростно скончалась. От удушья. Муж её, захлёбываясь от рыданий, сообщил по телефону матери Ольги – Оля... финиш, Оля... финиш...

Он, коренной француз, не знал русского языка, но горе его было столь неподдельным и столь понятным для всех языков мира, что Роза Григорьевна всё поняла: она умерла смертью отца и в возрасте отца. Она страдала тромбофлебитом, и, видимо, тромб оборвал дыхание. Её одели в концертное платье, украсили всей бижутерией, в которой артистка выходила на сцену, и предали французской земле. Заботами мужа-католика отслужили мессу в католическом храме, а по инициативе ассоциации друзей Пушкина справили тризну и в православном, где она была прихожанкой. Её материалы, привезённые из Новосибирска, передали в ассоциацию друзей Пушкина, которую сегодня возглавляет крестница княгини Антонины Мещерской – живые нити не прерываются.

Не прерываются и связи России единой и неделимой. В Новосибирске вышел очередной номер пушкинского альманаха, посвященный 200-летию императорского Александровского лицея. В нём есть и некролог Ольге Кулагиной. Альманах отправлен и в Париж, друзьям Пушкина. И Ольге Кулагиной. В Нью-Йорке клуб местных пушкинистов регулярно проводит конкурсы одного стихотворения. Среди лауреатов конкурса есть и новосибирец: Евгений Мартышев. Вот и в этом году пушкинское общество отправило на конкурс ряд стихотворений новосибирских поэтов.

Россия единая и неделимая объединяется всё плотней и плотней. Нет, не под знаменем Маркса-Энгельса, а под знаменем Пушкина, под знаменем многовековой русской культуры, которая всё активней и уверенней вливается в мировую культуру человечества и чувствует себя в ней вполне комфортно.